

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2025, Том 16, № 1 / 2025, Vol. 16, Iss. 1 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2025.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK125.pdf>

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Авдеева, М. Д. Языковые аспекты парадоксального мышления как когнитивного феномена познания мира и ментального отражения реальности (на материале русского и английского языков) / М. Д. Авдеева, А. А. Коренева, М. В. Гараева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2025. — Т. 16. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK125.pdf>.

For citation:

Avdeeva M.D., Koreneva A.A., Garaeva M.V. Linguistic aspects of paradoxical thinking as a cognitive phenomenon of understanding the world and of mental reflection of reality. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2025;16(1): 40FLSK125. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK125.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 81'371

Авдеева Марина Дмитриевна

ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»,
Новочеркасск, Россия
Доцент
E-mail: magnolia57@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-3844>

Коренева Анастасия Анатольевна

ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»,
Новочеркасск, Россия
Доцент
Кандидат социологических наук
E-mail: nastayakor@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9827-412X>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=876642

Гараева Марина Викторовна

ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»,
Новочеркасск, Россия
Доцент
Кандидат социологических наук
E-mail: garaeva65@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8924-9421>

**Языковые аспекты парадоксального мышления
как когнитивного феномена познания мира и ментального
отражения реальности (на материале русского и
английского языков)**

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические явления энантиосемии, оксюморона и эффекта обманутого ожидания, репрезентирующие феномен парадоксального мышления на нескольких языковых уровнях. Работа имела целью более глубокое исследование функционирования лексем, словосочетаний, синтаксических единиц текста, выражающих виды контрастных значений от антонимических противоположностей до антагонистических

противопоставлений, резкого контраста, абсурда. Проведено сравнительное исследование видов семантических противопоставлений. Выявлены особенности контрастивных значений на лексическом, синтагматическом и лексико-синтаксическом уровнях. Проведён семантический анализ типов выявленных парадоксов. Введено понятие «семантических контрастивов» как элементарных компонентов в основе всех видов языковых единиц, являющихся носителями парадоксальных элементов мышления.

Научная новизна исследования видится в том, что семантические контрастивы рассматриваются в аспекте системного подхода при сопоставительном изучении их функционального потенциала. Также к элементам новизны можно отнести представление обобщенных типов противопоставлений и вариантов логико-семантических парадоксов исследуемых разноуровневых языковых явлений.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательных курсах по языкознанию, стилистике декодирования, теории и практике перевода. Анализ и осмысление приведённых в статье примеров в процессе обучения студентов практике языка будут содействовать более глубокому пониманию и интерпретации текстов. Некоторые выводы могут быть применены в дальнейших исследованиях когнитивных процессов, что будет содействовать продвижению к новым разработкам в сферах изучения функционирования сознания.

Материалом исследования послужили цитаты из художественной прозы и периодических изданий, примеры из опыта повседневного общения.

Методы исследования: в исследовании использовались методы семантического анализа, оппозиционного сопоставления, семантического квантования, логического вывода; приёмы наблюдения, описания, обобщения.

Ключевые слова: мышление и речь; противопоставление; парадокс; энантиосемия; оксюморон; эффект обманутого ожидания; семантические контрастивы

Дорога к истине вымощена парадоксами

Оскар Уайльд

Взаимодействие мышления, языка и речи представляет собой очень сложное, многоаспектное и во многом ещё не познанное явление. Этот вопрос становится всё более актуальным, и в его изучении участвуют исследователи из различных отраслей знаний, таких как психология, антропология, лингвистика, когнитивная нейробиология, социология психолингвистика, философия. Выдающиеся умы античности, как например, Аристотель, уже в древние времена пытались обосновать связь языка и мышления. В. Гумбольдт, А. Шлейхер, А.А. Потебня, Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, Н.И. Жинкин, Н. Хомский, Дж. Фодор, Э. Сепир, Б. Уорф и др. внесли весомый вклад в исследование функционирования языка и мышления и уровней их взаимодействия.

А. Шлейхер писал: «Язык есть мышление, выраженное звуками» [1, с. 92]. Очевидно, что в этом случае он понимал под языком его речевой аспект. Говоря о взаимосвязи языка, мышления и речи, исследователи указывают, что неразрывное единство не означает тождественности этих феноменов. Мышление является процессом познания и отражения действительности, в ходе которого формируются представления и понятия. Язык

объективирует сформированные представления о предметах и явлениях, фиксирует мысли и чувства. В речи человек выражает и передаёт результаты осмысления действительности. Через осознание и практический опыт язык отражает все аспекты бытия, являясь «орудием» мысли и познания.

Мышление человека, оперирующего смысловым содержанием, которое закрепилось в слове, всегда включает в себя взаимодействие мыслящего субъекта с заключённым в слове содержанием [2]. Именно это взаимодействие, по нашему мнению, приводит к реализации одной из важнейших функций сознания — способности человека отражать воспринимаемую информацию.

Философы, психологи, социологи, лингвopsихологи, изучая мыслительные процессы человека во всей их сложности, отмечали как одно из свойств человеческого сознания противоречивость суждений, высказываний, оценок, допущенных людьми, и как результат — нелогичность их поступков. Человек может быть непредсказуемым, его реакции — неожиданными, парадоксальными и даже абсурдными. Подтверждение этому можно найти в многочисленных пословицах и поговорках, в изречениях известных людей. Вот некоторые примеры: *A man is an embodied paradox, a bundle of contradictions* (Ch.C. Colton), «В огороде бузина, а в Киеве — дядька», «Я ему про Фому, а он мне про Ерёму», «у него семь пятниц на неделе».

Если не рассматривать специально такие характеристики, как врожденные черты и особенности психотипа, влияние воспитания и окружения (среды) на формирование личности, другие генетические и социально-психологические аспекты, которые могли бы прямо или косвенно вносить элементы искажения в восприятие человеком картины мира, а принимать человека как биосоциальную сущность, которая вписывается в общепринятые нормы психического здоровья, адекватности мышления и поведения, приобщенности к законам социума и общезнания, то есть основания полагать, что человек объективно воспринимает, оценивает и адекватно отражает явления и факты действительности через призму своего сознания. Отражательная способность здравого мышления при взаимодействии с окружающим миром является важнейшим фактором формирования реальных представлений индивида о самом себе, людях, природе, социуме.

Фактор парадокса проявляется в мышлении и речи человека, взаимодействующего с реальностью, и тогда допустимо предположение, что свойство парадоксальности присуще самой реальности. У многих выдающихся умов находим изречения о парадоксе как неотъемлемом качестве мироздания, о парадоксальности как аспекте многих жизненных проявлений. Вот некоторые из высказываний: *Life is never free of contradictions* (M. Singh); *He who confronts the paradoxical exposes himself to Reality* (Friedrich Durrenmat); *No paradox, no progress* (Niels Bohr); *All wisdom ends in paradox* (J. Eugenides); *Most marriages recognize this paradox: Passion destroys passion* (John Fowls); *The road to the truth is paved with paradoxes* (O. Wilde); «Жизнь — сочетание мёда и жёлчи» (Апулей); «Тот, кто применяет силу, доказывает свою слабость» (Р. Тагор); «Ничего не делать — очень тяжёлый труд» (О. Уайльд); «...И гений — парадоксов друг» (А.С. Пушкин); «Я царь, я раб, я червь, я — Бог!» (Г. Державин).

Реальная жизнь может предоставить немало примеров «обыденных парадоксов», которые могут не отмечаться людьми именно как парадоксальные явления, но их противоречивость является очевидным фактом. Примерами таких явлений могут быть следующие: «превращения» правой стороны в левую при зеркальном отображении; неоднозначность исчисления, когда завершение одного десятка и переход к следующему десятку — с 9 до 10, с 19 до 20 и т. д. может означать завершение одного десятка или уже начало следующего, или одномоментное существование этих процессов. Даже «бытовое», оценочное

словосочетание о наполненности стакана (полупустой или наполненный наполовину) содержит явную противоречивость, элемент парадокса.

Парадоксальное мышление проявляется как параметр когнитивных процессов, как свойство сознания фиксировать и отражать многомерность реальности и множественность вариантов реализации событий и интерпретации фактов.

И. Кант считал, что парадоксальность присуща человеческому мышлению естественным образом — она возникает, когда «рассудок пытается заходить на территорию разума» [3, с. 401]. Мысль человека, направленная на проявления когнитивных процессов и комментирующая их, таких, как, например, определения, высказывания, оценки, выбор, формулирование понятий, создает возможность для выявления парадоксов. Среди разных видов мышления — логического, рационального, эмоционального, стереотипического, интуитивного и др. парадоксальное мышление занимает свое особое место и выполняет важную роль в процессе познания.

Термин «парадокс» (греч. «paradoxos» — странный, неожиданный, противоречивый, от древнегреческого «para» — против, вопреки, иной, непохожий, и «doxa» — мнение, представление) в строго логическом смысле означает «неразрешимое противоречие между двумя суждениями, каждое из которых логически обосновано».¹ В широком смысле парадокс — высказывание, мнение, рассуждение, которое расходится с общепринятым мнением и кажется нелогичным или противоречащим здравому смыслу.

Природа парадокса не всегда может быть доступна для понимания и объяснения. Далеко не все причинно-следственные связи очевидны, бесспорны, доказуемы. Но опираясь на философские воззрения, обосновывающие фундаментальные, базовые закономерности и законы, лежащие в основе управления миром, можно выявить те из них, которые подводят нас к пониманию парадокса как качества, внутренне присущего многим аспектам бытия.

Один из этих законов — закон единства и борьбы противоположностей. Само понятие «единство противоположностей» отражает противопоставление, несовместимость неких свойств, качеств, признаков, что на уровне лексики и словосочетаний присуще языковым явлениям энантиосемии и оксюморона.

Ещё одна философская закономерность, означающая, что любое явление в мире порождает своё противоречие — это триада «тезис — антитезис — синтез» (ввёл философ Г. Халибеус в 1837 г.) Противоречия взаимодействуют, и это взаимодействие порождает синтез — то есть, новое явление, которое вобрало в себя черты тезиса и антитезиса.

Универсальный, общенаучный характер этих двух закономерностей проявляется и в лингвистических аспектах на уровне единиц морфологии, лексикологии, синтагматики, синтаксиса, стилистики, когда речь идёт об оппозициях различных видов, о феноменах антонимии и антагонизма, о логических парадоксах.

Еще одной закономерностью, отражающей признаки контрастности, доведённой до степени парадокса, можно назвать «переход качества в свою противоположность». Это как бы «негласный закон» повседневной жизни и «бытовой» философии, скорее атрибут обыденного сознания. Однако во многих культурах и языках он нашел отражение в афоризмах, крылатых словах, поговорках и фразах народной мудрости. Примерами такого рода парадокса могут быть следующие: «От любви до ненависти один шаг», «любовь зла...», «человек предполагает, а Бог располагает» (a man supposes, but God disposes), «не говори гоп, пока не перепрыгнешь», «делить шкуру неубитого медведя», «сапожник — без сапог», between a cup and a lip there's a

¹ Джастмен. Логические парадоксы. Пути решения. URL: <https://proza.ru/avtor/paralog/> (дата обращения 10.06.2023).

great leap, festina lente («поспешай медленно»), «причинить добро», «история учит тому, что ничему не учит», «недостатки людей — продолжение их достоинств», «хочешь мира — готовься к войне». Эти высказывания передают значение противоположности, содержат элемент контрастности, говорят о срыве планов или о вероятности неуспешных действий, о недостижимости желаемого, о ярком противопоставлении надежды и её краха, то есть о полном несовпадении ожидаемого результата и реального исхода.

Значения парадоксальности могут присутствовать в некоторых научных и технологических терминах, как например, «квадратура круга» (задача в математике), «вечный двигатель», «очарованный кварк», «beauty quark» (термины из физики), «smartphone».

Парадокс, представленный языковыми элементами различных уровней, передаёт не просто некое противоречие, несовместимость, явный контраст понятий. Он выражает самую высокую степень антагонистических семантических взаимодействий, яркий накал противопоставлений. По мнению В.И. Курбатова, парадоксальность всегда возникает «при попытке объяснить гармонию противоположных начал».²

Несмотря на то, что со времен Древней Греции выявлено и описано множество типов парадоксов, исчерпывающего перечня логических парадоксов до сих пор не существует. Исследователи склоняются к мысли, что вряд ли он вообще возможен [4]. Тем не менее, основываясь на уже описанных, известных видах логико-семантической парадоксальности, мы попытаемся дать характеристику лексико-семантических противоположностей, проявленных в лингвистических единицах разных языковых уровней.

Логическая контрастность значений — от нюансов противоположности до антагонизма и парадоксальности — присутствует в лингвистике на нескольких уровнях: на лексическом уровне она представлена таким явлением, как энантиосемия, на уровне синтагматики (в узком понимании этого термина, когда рассматриваются словосочетания, синтагмы) функционирует оксюморон — словосочетание двух лексических единиц, выражающих противоположные значения. К явлениям лексико-синтаксического уровня относится такой тип выдвигания и стилистический приём как «эффект обманутого ожидания». Ирония как стилистическое явление, содержащее и совмещающее элементы противопоставления, алогичности, двуплановости, функционирует на уровне интонационно связанных фраз и проявляется на просодическом уровне. Для всех этих явлений характерно совмещение противоположных значений, поэтому, по нашему мнению, они все могут быть отнесены к «семантическим контрастивам». Мы используем в исследовании этот термин как обозначающий элементарные составляющие в основе различных видов несоответствий с их общей характеристикой — присутствие «конфликта», несовместимости значений, расхождение семантических составляющих и актуализацией противоположных сем. Все виды семантических контрастивов объединяет основной общий характерный признак — контрастная двуплановость, которая всегда антагонистична. Можно расширить данный термин и назвать эти явления «логико-семантическими контрастивами», поскольку в процессе анализа и трактовки противоположных значений прослеживается путь от формальной логики к логике диалектической.

В данной статье мы рассмотрим семантические контрастивы на нескольких уровнях системы языка: (1) на уровне отдельных лексем — явление энантиосемии; (2) на уровне словосочетаний — явление оксюморона; (3) на уровне синтаксиса — явление эффекта обманутого ожидания.

² Курбатов В.И. Философия в парадоксах и притчах. Учебник для студентов вузов / В.И. Курбатов. — Ростов на Дону: Феникс, 1996. — С. 404.

Энантioseмия — сложное языковое явление лексического уровня. Если подробно не рассматривать мнения разных лингвистов об энантioseмии с их несколько отличающимися определениями и трактовками данного термина и не описывать виды и варианты энантioлексем (что является темой отдельного исследования), то большинство формулировок и мнений лингвистов можно свести к концентрированному определению, что энантioseмия наблюдается в тех случаях, когда в одном слове совмещаются противоположные значения.

Семантические контрастивы в примерах энантioseмии могут иметь в своей основе семы с интегральными и дифференцирующими признаками, отражающими сущность лексических значений со всеми свойствами (качествами) описываемых предметов и понятий, а также виды проявленных оппозиций как парадигму категории контрастности.

Проявления внутрисловного антагонизма в рамках лексической энантioseмии часто основываются на факторе оценочности. Составляющие оценочных значений могут быть представлены в одной лексеме либо всеми тремя видами оценки — позитивными, нейтральными, негативными, либо двумя из них (позитив и негатив, позитив и нейтральность, негатив и нейтральность). Приведем несколько примеров энантioлексем из русского и английского языков: в лексеме *pretend* закреплены следующие значения: (1) «притворяться, симулировать, делать вид»; (2) «представить себе, вообразить, мечтать о желаемом»; (3) «претендовать, позволить себе». Такой разброс значений лексико-семантических вариантов одной и той же лексемы от негативного до нейтрального наблюдается и в производных от *pretend* однокоренных лексемах: *pretence* — (1) «притворство, обман», (2) «представление, воображение», (3) «претензия, требование»; *pretender* — (1) «притворщик, симулянт», (2) «претендент» (на трон, титул, премию). Логико-семантической основой для подобного контраста значений является оппозиция «нереальность vs действительность» («отход от реальности vs действительный статус») [5].

Speculate — (1) (нейтральное) — думать, размышлять, предполагать; (2) (негативное) — спекулировать; (3) играть на бирже.

Lobby — (1) (нейтральное) — депутаты, парламентарии, завсегда́тай кулуаров; (2) (негативное) — группа лиц, влияющая на парламентариев в своих (корыстных) интересах.

Fluent — (1) (позитивное) — гладкий, плавный, беглый (о речи); (2) (негативное) — напыщенный, бессодержательный, пустой (о речи).

Story — teller — (1) (нейтральное) рассказчик, сказочник; (2) (негативное) — лгун, обманщик, выдумщик.

Rocky — (1) (позитивное) — твёрдый, крепкий, непоколебимый; (2) (негативное) — шаткий, неустойчивый.

В следующих двух примерах противопоставление идет по критерию различных органов восприятия (слух — зрение):

Sense — (1) разум, сознание, здравый смысл; (2) чувство, ощущение.

Noisy — (1) шумный, галдящий; (2) яркий, кричащий (цвет, одежда).

Рассмотрим некоторые современные русскоязычные энантioлексемы:

«Представление» — (1) воображение (мысли, фантазии) о чём — то; (2) спектакль (действие на сцене); (3) целенаправленное действие (представление к награде; проект к защите; документы на рассмотрение). Здесь в основе противопоставления — критерий «абстрактность — конкретность».

«Предан» (быть преданным) — (1) (позитивное) — предан другу; (2) (негативное) — предан другом; (3) (нейтральное) — предан суду («на откуп», «на растерзание»). Однокоренной глагол «предаваться» предполагает также следующие противоположные значения в вариативном окружении узкого контекста: (1) (позитивное) — предаваться мечтам, отдыху, мыслям; (2) (негативное) — предаваться лени, бездействию, печали.

«Лихой» — в современном русском языке проявляются два противоположных значения: (1) (негативное) — безрассудный, рискованный, легкомысленно смелый; (2) (одобрительное) — бесстрашный, отчаянно смелый, удалой.

«Подвести» — (1) (нейтральное) — как глагол движения: подвести кого-либо к кому-либо (к чему-либо); (2) (негативное) — переносное значение: «подвести кого-либо» — создать неприятную ситуацию, нанести ущерб [5].

Во многих примерах энантиосемии как в русском, так и в английском языках, отмечены значения резкой противоположности, «абсолютной непримиримости», крайнего антагонизма.

Л.А. Булаховский отмечает в рамках энантиосемии процесс нейтрализации двух противоположных значений и возникновении третьего.³ Можно отметить подобное явление на примере лексемы «violent», которая имеет следующие лексико-семантические варианты: (1) «интенсивный, сильный, горячий»; (2) «яростный, неистовый, насильственный»; (3) «ложный, искажённый, неправильный») Процесс нейтрализации эмоционально — экспрессивных значений (положительного и отрицательного) результируется в стилистически нейтральную лексическую единицу, выражающую негативное фактологическое значение) Лексема *fluent* передаёт значения: (1) «гладкий, плавный; беглый (о речи)»; (2) «напыщенный (о речи)»; (3) «пустой, бессодержательный». Процесс нейтрализации прошел путь от противопоставления положительного и отрицательного значений до понятия, выражающего качество «пустой, ненаполненный, бессодержательный» [5, с. 229].

Если рассматривать семантические контрастивы лексического уровня как варианты парадоксальности, то с точки зрения философского понятия логического парадокса можно охарактеризовать данный вид внутрисловных противоречий как семантические контрастивы, отражающие формулу философской триады «тезис — антитезис — синтез». Этот вид противоречивости в энантиосемии может быть назван «парадоксом синтеза».

Оксюморон — соположение двух противоположных по значению слов. Контраст в оксюмороне заложен на уровне словосочетания и почти всегда очевиден без вовлечения узкого контекста, хотя в некоторых случаях точное значение проясняет ситуативный контекст. Присущее оксюморону качество яркого, непосредственно видимого и воспринимаемого контраста, наделяет оксюморон свойством эффектного воздействия. Оксюморон воспринимается как «острое» противопоставление, но допустимое только в ситуативном использовании, когда он применён в отношении конкретного человека или явления. Это как бы несоответствие «по случаю», не имеющее универсального использования, и тогда оно воспринимается адекватно и вполне приемлемо. Примеры оксюморона многочисленны в русском и английском языках: оглушительная (звонящая) тишина, красноречивое молчание, ледяная вежливость, горький елей, птичье молоко, юный старичок, иллюзорная реальность, мягкая сила, обжигающий холод, обречён на успех (на славу); *festina lente*, *best enemy*, *worst friend*, *sweet pain*, *passive aggression*, *careless care*, *modest pride*, *sweet revenge*, *definite maybe*, *cold fire*, *wise foolishness*, *virtual reality*, *laborious idleness*, *perfectly imperfect*, *forever young*.

³ Булаховский Л.А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1954. — 174 с.

При внимательном рассмотрении семантического контраста в оксюмороне *best enemy* можно прийти к выводу о неоднозначной, двойственной трактовке данного смыслового противопоставления. Первое возможное значение — мелиоративное, основанное на прямом позитивном значении *best* как превосходной степени прилагательного. Тогда негативный потенциал слова *enemy* затухает, смягчается, и *best enemy* — «лучший из врагов», «не настоящий враг», вражда поверхностная, как бы «для вида». Второе возможное значение оксюморона: понятие «враг» абсолютизируется, *best enemy* — «враг истинный, самый настоящий», вражда с ним — непримиримая, бескомпромиссная, «смертельная». Две трактовки понятия «враг» имеют качественное различие, степень вражды разная. Для точного понимания типа противопоставления в данном оксюмороне для правильного выбора значения в этом случае необходимо учитывать узкий контекст, предшествующую ситуацию или фабулу. В большинстве случаев контрастность оксюморона очевидна и «прозрачна» для понимания, но есть примеры, когда ситуативный контекст выполняет проясняющую роль. Так, фраза из романа Дж. Кэри «Глазами художника» является примером важной роли такого контекста: *Sara was a menace and a tonic, my best enemy; Rozzie was a disease, my worst friend*. Тройная антитеза *enemy — friend, worst — best, tonic — disease* на небольшом отрезке текста даёт яркую и глубокую характеристику персонажей, помогая читателю лучше понять описываемую ситуацию.

Такая парадоксальная сочетаемость лексем, «нанизанная» на параллельные конструкции с кумулятивным эффектом конвергенции, является способом раскрытия сложности, неоднозначности, запутанности и противоречивости отношений между людьми.

Обладая большим семантическим потенциалом, яркой контрастностью, необычностью звучания и значения, оксюморон как продукт живой и глубокой парадоксальной мысли присутствует в афоризмах, пословицах, крылатых выражениях: «колосс на глиняных ногах», «железный кулак в бархатной перчатке», «метать бисер перед свиньями», «мягко стелет, да жёстко спат», «льёт крокодиловы слёзы», «любовь зла...», «птичьего молока не хватает», «тише едешь — дальше будешь», «дым Отечества нам сладок и приятен».

Оксюморон часто используется авторами литературных произведений в названиях и заголовках пьес, романов, рассказов, сценариев кинофильмов:

«Без вины виноватые», «Волк в овечьей шкуре», «На всякого мудреца довольно простоты», «Мёртвые души», «Живой труп», «Плохой хороший человек», «Оптимистическая трагедия», «Горячий снег», *With eyes wide shut*, *Back to the Future*, *Up the down staircase*.

В семантической структуре оксюморона компонент оценочности не обязательно присутствует во всех оксюморонных словосочетаниях. В случаях, где контраст базируется на объективных параметрах или качествах, и даётся описание факта, конкретного качества, характера человека или особенности поведения, оценка как таковая отсутствует.

В оксюморонах «юный старичок», «живой труп», «без вины виноватые», «оптимистическая трагедия», используемых в прямом значении, проявляется контраст прямых значений сопологаемых слов, и каждое из них по отдельности объективно характеризует человека или явление (событие), указывает на некие присущие ему свойства, объективные качества характера или особенности поведения, и потому эти словосочетания носят безоценочный характер. В приведённых примерах общее значение оксюморона таково: «юный старичок» — это мальчик или юноша с чертами личности или поведения немолодого человека, старика. «Живой труп» может иметь следующие объективные значения: (1) человек, изнуренный болезнью или невзгодами (физическое состояние); (2) человек, потерявший интерес к жизни, внутренне опустошённый (морально — духовный аспект). «Без вины виноватые» — люди, обвинённые безосновательно, жертвы неких обстоятельств.

«Оптимистическая трагедия» может означать печальные события, дающие повод для позитивного взгляда на будущее. Подобная констатация парадоксальности как объективного факта наблюдается в таких словосочетаниях как «одиночество в толпе», *plastic glasses*, *organized chaos*, *shameful glory*. Интересно отметить, что общее, результирующее значение компонентов оксюморона может иметь различную природу: акцентуация качества (психологического состояния) на фоне количественного противопоставления (одиночество в толпе); утрата или затушёвывание семантического компонента в структуре значения одной из лексем как, например, деактуализация семы «вещество, материал» у существительного или прилагательного (*plastic glasses*); антагонистичность цели и результата (*organized chaos*); двойственная трактовка значения прилагательного с точки зрения оценочности: отсутствие её при констатации факта постыдного поступка и наличие оценки при актуализации интенсифицирующей семы прилагательного (*shameful glory*). Даже первичный анализ семантической структуры оксюморона даёт представление о нём как о сложном, многомерном языковом факте, в основе которого могут проявляться несколько видов семантических контрастивов, выражающих парадоксальность разного типа.

Противопоставление в оксюмороне также может быть оценочным. Оценочный компонент может актуализироваться в оксюмороне в тех случаях, когда появляется градация качества по шкале «хорошо — плохо» или «хорошо — нейтрально — плохо». Чаще всего такая градация представлена качественным прилагательным (причастием) или степенью прилагательного в составе оксюморона.

Оценочный элемент контраста в оксюмороне может быть градуирован как количественно, так и качественно. Оценка основана на субъективном отношении и часто гиперболизируется: «полная пустота», «круглый дурак», «гениальная глупость», «новое — хорошо забытое старое», «адский холод», *heavy lightness*, *little big league*, *lowest sky-scrappers*, *mildest tyrant*, *cruel kindness*, *midnight sun*, *peaceful warrior*, *old boy*, *the best worst movie*, *deeply superficial person*, *larger half*.

В некоторых примерах оксюморона наблюдается семантический сдвиг в значении прилагательного (наречия), приводящий к актуализации интенсифицирующей семы прилагательного или наречия и нивелированию главной черты оксюморона — контрастности значений компонентов. В этом случае традиционный оксюморон теряет черты резкого противопоставления и становится словосочетанием описательного характера с усилительным значением: *bloody good* — крайне (чертовски) хороший, *pretty ugly* — довольно (слишком) безобразный, *awfully beautiful* — ужасно красивый, *terribly pleased* — ужасно доволен, *bad luck* — плохо дело, неудача (огорчение).

Одной из характеристик парадокса, который проявляется в большинстве примеров оксюморона, по нашему мнению, является возникновение образа. В одних случаях этот образ может быть однозначным, четким, «видимым»: «волк в овечьей шкуре» — образ коварного злодея, «глас вопиющего в пустыне» — образ человека в отчаянии, «ледяная вежливость» — образ отстраненности, враждебности, *scalding coolness* — образ ранящей холодности, *humble pride* — образ скрывающего истинные чувства за личиной, «*boastfully modest*» — образ человека показной, нарочитой (а значит, ложной) скромности.

В других случаях образ может быть многозначным или «размытым», «туманным»: «мягкая сила», «иллюзорная реальность», *melancholy merriment*, *sweet pain*, *quiet storm*.

В приведённых выше примерах «юный старичок», «живой труп», семантические контрастивы не выражают оценочности, но являются носителями образности.

Рассматривая оксюморон с точки зрения природы противопоставления (парадокса), лежащего в его основе, можно сделать следующие выводы:

1. Контрастность значения может быть прямой, однозначной или может допускать неоднозначность.
2. Противопоставление может быть оценочным или безоценочным.
3. В значении оксюморона может происходить семантический сдвиг, при котором деактуализируется сема контрастности и актуализируются другие значения (интенсификация, гиперболизация, др.).
4. Семантические контрастивы в оксюморе могут быть носителями некоторых видов образности.

Эффект обманутого ожидания — еще одно языковое явление, которое основывается на использовании противопоставления и контрастного представления информации.

Эффект обманутого ожидания — это приём языковой экспрессии, при котором происходит намеренное нарушение вероятностного механизма порождения речи. Данный эффект достигается рассогласованием асертивной, содержательно-утверждающей части семантики высказывания и её пресуппозитивной части, которая является условием истинности высказывания. Происходит отклонение от логического закона достаточного основания, согласно которому «всякая истинная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана» [6, с. 127].

Основой для возникновения эффекта обманутого ожидания служит неидентичность ментальных репрезентаций элементов воспринимаемой информации. Различие репрезентаций элементов речевого сообщения является причиной несоответствия экспектаций коммуникантов [7].

Примеры эффекта обманутого ожидания находим в изречениях известных людей, а также в высказываниях и фразах, которые вошли в широкое употребление как афоризмы, «умные мысли»: *Simplicity is the ultimate sophistication* (Леонардо да Винчи), *Life would be tragic if it weren't funny* (Стивен Хокинг), *There are only two ways to live your life. One is as though nothing is a miracle. The other is as though everything is a miracle* (Альберт Эйнштейн), *Life is wasted on the living* (Дуглас Адамс), *Intelligent people are cruel. Stupid men are monstrously cruel* (Джек Лондон), *Doubt is not a pleasant condition but certainty is absurd, Some people are poor — all they have is money*, «Способность забывать — признак здравомыслия. Помнить всё — признак одержимости, сумасшествия» (Джек Лондон), «Недостатки людей — продолжение их достоинств», «История учит тому, что ничему не учит», «Реальность абсурдна, потому что абсурд — реален», «В новом тысячелетии люди не будут лгать, воровать, убивать. Всё это за них будут делать компьютеры».

Эффект обманутого ожидания используется в анекдотах, шутках, комических диалогах, юмористических рассказах. Он представлен в художественной литературе, может использоваться в публицистике и эссе, когда авторы произвольно нарушают логику повествования и противопоставляют первичную информацию логически ожидаемому выводу.

Рассмотрим два примера эффекта обманутого ожидания из художественной литературы, которые приводит И.В. Арнольд.⁴ В поэме Дж. Байрона «Дон Жуан» высокопарное обращение, слова возвышенной и формальной семантики (*lords, ladies, intellectual, inform*) резко контрастируют с шутивным и несколько уничижительным понятием «быть подкаблучником, держать мужа под башмаком», выраженным лексикой сниженного уровня (*hen — peck'd*):

But — Oh! Ye lords of ladies intellectual,
Inform us truly, have they not hen-peck'd you all?

⁴ Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта, 2016. — С. 109.

В другом примере из художественной прозы XX века контраст основан на нарушении логической последовательности и появлении элемента малой предсказуемости, когда за словами, обозначающими неодушевлённые предметы (бытовые приборы), следует слово, обозначающее человека, и его роль в данном случае сводится к функционалу электрического устройства: *Talk all you like about automatic ovens and electric dishwashers, there is nothing you can have around the house as useful as a husband* (Ph. McGinley «Sixpence in Her Shoe»).

Нарушение предсказуемости — это основа механизма эффекта обманутого ожидания. Сила воздействия на читателя, экспрессивность, яркость эффекта обманутого ожидания находится в зависимости от «лексической дистантности» между контрастирующими элементами высказывания. Чем больше такое расстояние, тем неожиданней и поразительней степень производимого воздействия.

В целом, эффект обманутого ожидания характерен для жанров, нацеленных на продуцирование комического эффекта.

Одним из таких жанров являются лимерики. Лимерики как представители стихотворного жанра являют собой пример парадоксального мышления в стихосложении. Парадокс в лимериках довольно часто доведён до степени абсурда и комической бессмыслицы. Именно в лимериках эффект обманутого ожидания проявляется особенно отчётливо, и его можно считать характерным, неотъемлемым языковым приёмом для этого стихотворного жанра.

Эффект обманутого ожидания в лимерике основан на резком диссонансе, рассогласовании логики описываемой ситуации, действия, события и заключительным выводом, результатом. Конфликт между исходной информацией и предполагаемым читателем завершением, развязкой ситуации часто бывает не просто неожиданным, но и идущим в разрез с адекватным восприятием развития описываемого сюжета. Чем резче это несовпадение, тем ярче проявляется эффект обманутого ожидания.

В лимериках персонажи чаще всего безымянны, но соотнесены географически, и акцент делается на экстравагантности их поступков, гипертрофированности черт внешности и парадоксальности ситуации [8].

Основоположником лимериков как признанного литературного жанра считается Эдвард Лир [9]. Впервые же эта стихотворная форма появилась в устном ирландском народном творчестве, и в настоящее время она как бы вернулась «к народу», поскольку лимерики создаются многими людьми в разных странах на разных языках, часто публикуются без указания авторства. Можно предположить, что столь популярными лимерики делают краткость языковой формы, оригинальный юмористический сюжет и не в последнюю очередь забавная парадоксальность мысли, для выражения которой используется приём эффекта обманутого ожидания.

Рассмотрим несколько примеров англоязычных и русскоязычных лимериков, представляющих характерные черты литературы нонсенса:

An important young man of Quebec
Had to welcome the duchess of Teck.
So, he bought for a dollar
A very high collar —
To save himself washing his neck.

Цель действия, которую может предположить читатель, явно противоречит цели персонажа. В этом лимерике эффект обманутого ожидания основан на несоответствии логического прогнозирования действия и его результатом. Назовём это несоответствие «парадоксом целеполагания действия».

В следующем лимерике эффект обманутого ожидания и контрастность достигаются другими видами парадоксальности:

There was a young lady named Kite
Whose speed was much faster than light.
She left home one day
In a relative way
And return — on the previous night.

В этом лимерике в основе парадокса — гипербола (*faster than light*) и нарушение законов земного времени (*return on the previous night*). Эффект обманутого ожидания порождается «парадоксом намеренного искажения научных фактов».

В русскоязычном переводе еще одного лимерика проявлены два вида парадокса: парадокс внешности (гиперболизация остроты подбородка) и парадокс действия (игра подбородком на лире):

«У одной юной мисс из Норфолка
Подбородок совсем как иголка.
В день часа по четыре —
Подбородком по лире
Эта мисс музицирует ловко».

Эффект обманутого ожидания возникает от нелепости, невозможности производить подобное действие в рамках общепринятых норм поведения.

Данные примеры позволяют предположить, что в лимериках семантические контрастивы достигают наибольшей яркости и «накала», поскольку парадоксальность в них может проявляться как что-то совершенно невозможное, иррациональное, запредельное.

Для характеристики общего вида парадокса в случаях эффекта обманутого ожидания можно использовать понятие «парадокс абсурда».

Рассмотрение в данной статье некоторых языковых аспектов, касающихся парадоксального мышления, подводит к определённым выводам относительно функционирования энантиолексем, оксюморона и эффекта обманутого ожидания. Все эти лингвистические явления реализуют категорию контрастности, актуализируя семантические контрастивы разных видов и различной степени интенсивности. Языковые уровни реализации парадоксального мышления отражают «шаг квантования» противопоставления (парадокса) от антонимического контраста значений до резкого диссонанса, антагонизма, парадокса.

Семантические контрастивы, рассматриваемые нами как базовые элементы с семантикой противоречивости на разных уровнях языковой системы, проявляются в нескольких вариантах:

1. Энантиосемия (лексический уровень), тип противоречия: (а) контекстуальная антонимия (*fast friend — fast enemy*); (б) семантическая многозначность (*to pretend*, быть преданным).

Общий тип противопоставления — «парадокс синтеза»;

2. Оксюморон (синтагматический уровень), тип противоречия:

(а) антагонизм качества (горячий снег, scalding coolness); (б) противопоставление с оценочностью (полная пустота, the best worst movie); (в) образный антагонизм (волк в овечьей шкуре).

Общий тип противопоставления — «парадокс семантического контраста»;

3. Эффект обманутого ожидания (лексико-синтаксический уровень), тип противоречия:

(а) логическое несоответствие (some people are poor — all they have is money); (б) понятийный диссонанс (simplicity is the ultimate sophistication.); (в) абсурд как «высшая степень парадокса» (...подбородком по лире музицирует ловко).

Общий тип противопоставления — «парадокс логических искажений».

Виды противопоставлений и парадоксов имеют отличия и особенности у лингвистических единиц в рамках как одного языкового уровня, так и в рассмотренных примерах разных языковых уровней.

Парадоксы играют в познании особенную роль. Они выявляют несовершенство логического мышления, которое часто проявляет себя как стереотипное, косное, тривиальное, ограниченное отношение к действительности. «Парадоксы представляют собой резкую критику логики в её наивной, интуитивной форме... Парадоксами подрывается вера в то, что привычные приёмы теоретического мышления сами по себе обеспечивают надёжное продвижение к истине» [4]. «...Парадоксы будоражат мысль и направляют её по новому пути» [10, с. 110]. По мнению ряда исследователей, именно парадоксы являются движущей силой развития ума, оттачивания мысли, помогают в выработке критически ориентированного осмысления мира и глубокого понимания сложных, неоднозначных явлений, в том числе лингвистических фактов.

Г. Гегель писал: «... должно представляться странным, что в языке одно и то же слово обозначает два противоположных определения...», «однако мышление может только радовать, когда оно неожиданно сталкивается с такого рода словами» [11, с. 82, 168].

Предложенный подход к изучению различных видов контрастности и парадокса может быть использован в процессе языкового, переводческого образования с целью углубления знаний и компетенций обучающихся при изучении многозначности значений слов, при рассмотрении семантических характеристик и особенностей функционирования языковых единиц. Такой подход может широко использоваться в методике преподавания языков при разработке творческих заданий для развития мышления и речи с применением разнообразных методических приёмов. Например, в процессе обучения можно дать студентам задание придумать парадоксальное завершение фразы или предложенной ситуации (рассказа, диалога); сочинить лимерик на иностранном языке на заданную или свободную тему и т. п.

Более глубокое изучение природы парадоксального мышления на примерах его вербализации в языковых формах могло бы внести определённый позитивный вклад в работу по формированию новых знаний, в выработку подходов и наработок для продвижения в сферах изучения сознания человека, а также создания искусственного интеллекта.

Осмысление и анализ парадоксальных явлений также стимулирует развитие когнитивных способностей и улучшает параметры и характеристики умственной деятельности обучающихся, способствует развитию и совершенствованию их общего интеллекта как одного из важнейших аспектов в формировании всесторонне развитой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. — Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. — 465 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://archive.org/details/xix-xx-2-1965/Звегинцев%20В.А.%20История%20языкознания%20XIX%20и%20XX%20веков%20в%20очерках%20и%20извлечениях%20Часть%201%20%281964%29/> (дата обращения 20.12.2024).
2. Горский Д.П. Мышление и язык: [Сборник статей] / Под ред. Д.П. Горского; Акад. наук СССР, Ин-т философии. — М.: Госуд. Изд-во Политической литературы, 1957. — С. 56. [Электронный ресурс]. — URL: https://pedlib.ru/Books/1/0176/1_01761.shtml?ysclid=makwkb1as304232107 (дата обращения 22.12.2024).
3. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. — М.: Академический проект, 2020. — С. 401. [Электронный ресурс]. — URL: https://imwerden.de/pdf/kant_kritika_chistogo_razuma_2020_izd.pdf (дата обращения 26.12.2024).
4. Щапов Н.С. Логические парадоксы // Вестник современных исследований. — 2020. — № 2-7. — С. 76–84. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=slfuva&ysclid=makwmjgp4b883648900> (дата обращения 22.12.2024).
5. Авдеева М.Д., Гараева М.В., Ярославцева Е.Ф. Лексическая энантиосемия как языковой аспект категории контрастности (на материале германских и славянских языковых групп) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Языкознание и методика преподавания языка. Тамбов: Грамота, 2019. — Т. 12. № 8 — С. 226–232.
6. Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). Т. 1. — М.: Мысль, 1975. — С. 127.
7. Умеренкова А.В. Эффект обманутого ожидания в моделях восприятия речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-obmanutogo-ozhidaniya-v-modelyah-vospriyatiya-rechi> (дата обращения: 25.12.2024).
8. Назарова Н.А. Лимерик как литературный жанр // Вестник Башкирского ун-та. — 2009. — Том 14 № 3. С. 1360–1363.
9. Демурова Н.М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса. // Июльский полдень золотой. Авторский сборник. М.: УРАО, 2000. — С. 28–47.
10. Гулыга А.В. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. — 304 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://prussia.online/books/kant> (дата обращения 26.12.2024).
11. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3х т. Т. 1. М.: Мысль, 1970 — С. 168.

Avdeeva Marina Dmitrievna

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
E-mail: magnolia57@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-3844>

Koreneva Anastasia Anatolyevna

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
E-mail: nastayakor@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9827-412X>
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=876642

Garaeva Marina Viktorovna

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
E-mail: garaeva65@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8924-9421>

Linguistic aspects of paradoxical thinking as a cognitive phenomenon of understanding the world and of mental reflection of reality

Abstract. The article considers the linguistic phenomena of enantiosemy and oxymoron and the effect of defeated expectancy, representing the phenomenon of paradoxical thinking on several linguistic levels. The study aims to gain a deeper understanding of the functioning of lexical items, phrases, and syntactic units in text, which express various types of contrasting meanings, ranging from antonyms to antagonisms, sharp contrasts, and absurdities.

A comparative analysis of different types of semantic opposition has been conducted, revealing the features of contrasting meanings at the lexical, syntagmatic, and lexico-syntactic levels. A semantic analysis has also been carried out on the types of paradoxes identified, and the concept of «semantic opposites» has been introduced as the fundamental components underlying all types of linguistic units that carry paradoxical elements.

The scientific novelty of this study lies in the fact that it considers semantic contrasts from the perspective of a systematic approach in the comparative analysis of their functional potential. Additionally, the study introduces new elements such as the representation of generalized types of opposition and variants of logical and semantic paradoxes within the complex linguistic phenomena under investigation.

These research findings could be applied in educational programs related to linguistics, stylistics, and translation theory and practice. The analysis of the examples provided in this article can contribute to students' deeper understanding and interpretation of linguistic phenomena in the process of language training. Some of these findings could also be utilized in further research on cognitive processes, potentially leading to new developments in understanding the functioning of human consciousness.

The research material consists of quotations from fictional and periodical sources, as well as examples from daily communication.

The research employed methods of semantic analysis, contrastive comparison, semantic quantification, and logical inference, as well as methods of observation, description, and generalization.

Keywords: thinking and speech; opposition; paradox; enantiosemy; oxymoron; effect of defeated expectancy; semantic contrastives